

Литература

Абалкин Л.И. 1991. *Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве*. М.: Политиздат, 304 с.

Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. 2014. *Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации* (под общ. ред. Е.В. Бодровой). М.: РЕГЕНС, 940 с.

Васильев Ю.А. 2012. О факторах риска в условиях капиталистической модернизации в России: цикличность кризисов. — *Власть*, № 10. С. 18-22.

Васильев Ю.А. 2011. Очень странный российский капитализм. — *Власть*, № 9. С. 4-6.

В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Владимира Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). (сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев). 2008. 2-е изд., испр. и доп. М.: Горбачев-Фонд, 800 с.

Карпухина Е., Грачев М. 1993. Международный фонд «Культурная инициатива»: обновление стратегии и политики. — *Экономика. Политика. Бизнес. Культура. Из жизни звезд: Год планеты*. М.: Республика. С. 312-316.

Красильщиков В.А. *Модернизация: зарубежный опыт и уроки для России*. Доступ: <http://be.convdocs.org/docs/index-119606.html> (проверено 08.03.2014).

Россия на пути к динамичной и эффективной экономике (под общ. ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С. Ю. Глазьева). 2013. М.: РАН, 93 с.

УДК 316.47

РЕУТОВ Евгений Викторович –

к.соц.н., доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85.

reutovevg@mail.ru

КОЛПИНА Лола Владимировна –

к.соц.н., доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

kolpina-lola@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ В РОССИИ И УКРАИНЕ

SOCIAL ACTIVISM IN RUSSIA AND UKRAINE

Высокий уровень конфронтации в украинском обществе приводит к вытеснению практик общественно-го активизма в политическую сферу. При этом в силу усталости от политики и других видов публичной активности перспективной украинского социума является массовая деполитизация и спад общественного активизма. В России основным тормозом развития общественного активизма является продолжающаяся экспансия государства, распространяющего свое влияние на прежде не контролируемые или слабо контролируемые им сферы. При этом значительная часть населения поддерживает эту экспансию, наделяя высоким уровнем доверия институты, олицетворяющие политический курс (прежде всего, президентскую власть). Такого рода патерналистские установки позволяют гражданам снять с себя значительную часть ответственности за происходящее в их городе, в стране и нивелируют факторы общественного активизма, не санкционированного сверху.

Ключевые слова: общественный активизм, гражданское участие, социальное доверие

The high level of the confrontation in the Ukrainian society drives out the practices of the public activism into the political sphere. Moreover, because of the fatigue from politicians and other public activity, the Ukrainian society will turn to mass depoliticization and to decline of social activism. The main obstacle to the development of the social activism in Russia is on-going expansion of the state into the previously uncontrolled or poorly controlled areas. A considerable part of the population supports this expansion, giving a high level of trust to institutions, embodying the political course (first of all, to the presidential authority). Such paternalistic attitudes allow citizens taking off a significant responsibility for situation in their cities, in the state and thereby undermine public activism, not sanctioned from above.

Keywords: social activism, civil participation, social trust

Евромайдан, смена власти в Украине, последовавшие за ней события в центре и на юго-востоке страны и реакция на них в России вновь поставили вопрос о социокультурных и структурных различиях украинского и российского обществ. Мощное протестное движение в Украине (как против власти В. Януковича, так и против пришедшей ей на смену коалиции) на фоне относительно апатичного российского общества, в котором политический протест является уделом маргиналов, позволяет поставить ряд вопросов. Первый: является ли способность к протесту и самоорганизации, которую выказало украинское общество, его имманентным, социокультурно обусловленным свойством, отличающимся от российского, либо же эта последовательность социальных потрясений обусловлена сочетанием массовой социальной фрустрации и воздействия извне? И второй вопрос, вытекающий из первого: можно ли говорить о различиях в характере и уровне развития гражданского общества, в т.ч. гражданской активности и общественного участия, в обеих странах?

Для ответов на данные вопросы, безусловно, необходимо в некоторой степени абстрагироваться от нынешних событий в Украине и попытаться рассмотреть состояние гражданских институтов, гражданской активности и общественного участия в обеих странах до их наступления. Это позволяет минимизировать фактор массовой мобилизации, действующий в украинском обществе и вовлекающий в сферу публичной активности многих людей, ранее не помышлявших о таком развитии событий. Такого рода реконструкция возможна, во-первых, на основании данных социологических мониторингов, проводимых в

обеих странах, а также в результате анализа массовых социальных движений и иных коллективных действий последнего десятилетия.

Имевшие на протяжении ряда лет общую историю и испытывавшие сильные диффузионные процессы российское и украинское общества оказались достаточно близки по ряду структурных и социокультурных характеристик. При этом следовавшая в начале 1990-х гг. суверенизация, как ни парадоксально, способствовала не только их расхождению, но и приобретению ряда общих черт.

Ключевым различием оказалось, прежде всего, то, что в российском обществе возобладали модель консолидированной элиты со всеми ее достоинствами и недостатками; в Украине же это не произошло, хотя и были определенные предпосылки к складыванию такой ситуации.

Тем не менее экономические и в значительной степени политические процессы в России и Украине развивались по близким траекториям. Оба общества пережили социальную травму транзита от распределительной социально-экономической системы к стихийно-рыночной, что не могло не сказаться на социальных настроениях и характере социальной адаптации населения. Непреодоленный патернализм большей части населения столкнулся с негласным отказом государства от ряда социальных функций. В сочетании с социальной дифференциацией, криминализацией, кризисом общественной морали это повлекло делегитимацию социального порядка в глазах не только дезадаптантов, но и многих из тех, кто сумел приспособиться к новым условиям. Как следствие, в обоих обществах достаточно высок уровень отчужденности общества от власти и от иных публичных

институтов как в процедурном, так и в социокультурном отношении. И в России, и в Украине является дефицитом социальная солидарность, причем на разных уровнях – от социетального до локального. Между тем, общественный активизм как деятельность по реализации коллективных интересов, осуществляемая преимущественно на безвозмездной основе, возможен лишь в условиях определенного уровня социальной солидарности.

Одним из ключевых показателей солидарности является доверие. В России обобщенное межличностное доверие стабильно имеет невысокий уровень. По данным фонда «Общественное мнение» (ноябрь 2013 г.), считают, что «большинству людей можно доверять», лишь 19% респондентов, тогда как мнение о том, что «в отношениях с людьми следует быть осторожными», разделяют 77%. Причем данное соотношение фактически не меняется с 2007 г. Естественно, микроуровень социальных отношений характеризуется значительно большим объемом доверия. Но и здесь лишь чуть более половины опрошенных (60%) считают, что большинству людей из их ближайшего окружения можно доверять («следует быть осторожными» – 36%)¹.

По данным Института социологии НАН Украины (2013 г.) полностью и в основном доверяют своим соотечественникам 44,7% опрошенных, не доверяют в той или иной степени – 13,1%, затрудняются ответить – 41,7%. Данные показатели остаются приблизительно на одном и том же уровне с середины 1990-х гг. При практически безусловном доверии к семье и родственникам уровень доверия к соседям и коллегам, например, не очень сильно отличается от показателей доверия к соотечественникам (54,9% и 50,9% соответственно доверяют им в той или иной степени) [Українське суспільство... 2013: 477-478].

Различный инструментарий данных мониторингов не позволяет провести корректное сопоставление их результатов. Тем не менее можно, скорее

всего, утверждать, что россияне отличаются более осторожным отношением к незнакомым людям, однако на микроуровне социальных связей показатели доверия близки и находятся на достаточно высоком уровне.

Фамилистический, по большому счету, характер культуры обоих обществ влечет за собой замыкание индивидуальной активности на близком окружении. Граждане в целом слабо верят в возможности плодотворного взаимодействия с лично незнакомыми им людьми и, тем более, с институциональными структурами. Идея о типичности социальных интересов и, следовательно, о возможности взаимовыгодного сотрудничества в их реализации не является доминирующей в массовом сознании. У значительной части россиян присутствует четко выраженная установка на локализацию интересов и внешней активности пределами семейно-клановых структур с предельным абстрагированием их от социетального уровня. В ходе всероссийского опроса, проведенного Левада-Центром в апреле 2014 г., выяснилось, что почти треть (29%) россиян, отвечая на вопрос, какой бы они хотели видеть Россию в будущем, оказались абсолютно индифферентными к ее социальному и политическому устройству и выбрали вариант ответа: «мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь насколько хорошо буду жить я и моя семья»². Нежелание и неспособность выйти за рамки семейного дискурса предопределяют и неготовность к массовой самоорганизации за пределами семейно-родственных и клановых структур.

Среди россиян, по данным опроса ФОМа, 29% (интересно совпадение этой доли с долей равнодушных к социальному и политическому устройству России) респондентов отнесли себя к людям, не готовым объединяться с другими для совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают; обратную установку отме-

¹ Доверие в обществе. – *Официальный сайт ФОМ*. Доступ: <http://fom.ru/obshchestvo/11253> (проверено 06.05.2014).

² Россияне о том, что происходит в стране. – *Официальный сайт Левада-Центра*. Доступ: <http://www.levada.ru/14-05-2014/rossiyane-o-fom-chto-proiskhodit-v-strane> (проверено 06.05.2014).

тели 59%¹. Причем при интерпретации этих данных нужно иметь в виду достаточно высокий уровень сензитивности вопроса. Далеко не все могут признать себя социально пассивными в ситуации интервью. Естественно, реальная включенность в различные формы общественной активности намного ниже декларируемой готовности. Результаты опросов того же ФОМа показывают, что в принципе так или иначе большая часть людей включены в практики взаимопомощи. Так, в 2013 г. 76% респондентов отмечали, что за последний год им приходилось безвозмездно помогать другим людям. Чаще всего это были, естественно, родственники, друзья, соседи и знакомые. Лично незнакомым людям помогали всего 15% тех, кто был включен в практики взаимопомощи². Тем не менее такого рода практики не являются маргинальными и исключительными. «Сегодня мы наблюдаем... рост интереса к разнообразным неформальным возможностям низовой самоорганизации, волонтерству, движениям “одного требования”, действующим в большинстве случаев на принципах добровольности и альтруизма» [Петухов 2013: 92].

В Украине включенными в активную общественную деятельность признали себя лишь 8,1% опрошенных (данные Центра Разумкова, 2013 г.), не включенными — 85,2%³. Характерно, что из тех, кто не включен в гражданскую активность, большинство (58,8%) не имеют в этом потребности⁴. Это роднит граждан Украины с россиянами, значительная часть которых, как указывалось выше, не разделяют идею общности и типичности социальных интересов и возможности эффек-

тивного взаимодействия с лично не знакомыми людьми. В украинском обществе, как и в российском, радиус доверия является достаточно узким, и в него включены, как правило, лишь родственники и друзья. Общественные организации, напротив, этим доверием не пользуются. Так, по данным Института социологии НАН Украины (2013 г.) лишь 11,3% опрошенных отметили, что участие в общественных и политических организациях является тем типом отношений, который в наибольшей степени позволяет решать жизненные проблемы и осуществлять защиту гражданских прав. В то же время знакомства между людьми в данном качестве отметили 51,2%, а отношения с родственниками — 63,2% [Українське суспільство... 2013: 471].

Очевидно, что как в России, так и в Украине к настоящему времени не сформировались влиятельные общественные институты, способные абсорбировать массовые социальные интересы. Значительной поддержкой и доверием и в том, и в другом обществе из негосударственных институтов пользуются фактически лишь церковь и СМИ. Так, в России по данным ВЦИОМа индекс одобрения деятельности РПЦ (разница между положительными и отрицательными ответами) в апреле 2014 г. составил 65 п.п., СМИ — 49 п.п. В Украине, по данным Института социологии НАН Украины, доверие церкви и духовенству в 2013 г. преобладало над недоверием на 21,8 п.п., СМИ — на 8,5 п.п. [Українське суспільство... 2013: 478-479]. Правда, в России с начала 2014 г. ощутимо сдвинулись вверх рейтинги практически всех общественных и особенно государственных институтов, что во многом было обусловлено общим ростом легитимности государственной власти как реакцией на политический курс президента в отношении событий в Украине. Например, индекс одобрения Общественной палаты РФ в апреле 2014 г. составил 21 п.п., тогда как еще в октябре 2013 г. он находился на уровне 2 п.п.⁵

¹ Доверие в обществе. — *Официальный сайт ФОМ*. Доступ: <http://fom.ru/obshchestvo/11253> (проверено 06.05.2014).

² Формы общественной активности граждан. — *ФОМ*. Доступ: <http://soc.fom.ru/posts/11005> (проверено 20.05.2014).

³ Чи можете Ви сказати, що залучені до активної громадської діяльності? (динаміка, 2008–2013). — *Официальный сайт Центра Разумкова*. Доступ: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=367 (проверено 06.05.2014).

⁴ Чому Ви не залучені до активної громадської діяльності? — *Официальный сайт Центра Разумкова*. Доступ: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=366 (проверено 06.05.2014).

⁵ Одобрение деятельности общественных институтов. — *Официальный сайт ВЦИОМ*. Доступ: <http://wciom.ru/ratings-social-institutions/> (проверено 31.05.2014).

При всей внешней политизации современного украинского общества, обусловленной высоким уровнем конфронтации элитных групп, в массовом сознании разлита усталость как от политики, так и от других видов публичной активности. В ходе опроса Института социологии НАН Украины (2014 г.) 67,1% граждан отметили, что не несут никакой ответственности за ситуацию в стране¹. Таким образом, в политической культуре украинского общества с 2006–2007 гг. происходят те же процессы, что происходили в политической культуре россиян в 1990-х гг. и привели к массовой деполитизации и спаду общественного активизма. Ситуация вялотекущей гражданской войны на юго-востоке Украины и усилившаяся социальная напряженность в украинском обществе в ближайшей перспективе, скорее всего, усугубят дефицит межличностного и институционального доверия. Практики общественного активизма будут носить очаговый характер. Они будут сосредоточены в основном в пределах неформальных групп и организаций, имеющих доктринальный характер, в т.ч. националистических. Так, украинские социологи отмечают наличие доминирующего в массовом сознании украинских граждан представления о сущности гражданского общества как о силе, противостоящей власти и государству, поддерживающей и иницирующей протест в ущерб солидарности и общенациональному консенсусу [Тарасенко, Сакада 2013: 72]. Политические движения, в частности оппозицион-

ные, становятся «пылесосом», вытягивающим потенциал общественного активизма лишь в одном направлении – политического протеста.

Однако результат данных процессов, естественно, не является предопределенным. В конечном счете, уровень развития и характер общественного активизма будет зависеть от способности украинского общества и, прежде всего, властных институтов и элит к базовому консенсусу, снижению конфликтности и минимизации кланового характера общественного устройства.

В России же основным тормозом развития инициативной общественной активности граждан является продолжающаяся экспансия государства, распространяющего свое влияние на прежде не контролируемые или слабо контролируемые им сферы (в т.ч. сферу публичной коммуникации, правозащитную деятельность, НКО и пр.). При этом значительная часть населения поддерживает эту экспансию, наделяя высоким уровнем доверия институты, олицетворяющие политический курс (прежде всего, президентскую власть). Такого рода патерналистские установки позволяют гражданам снять с себя значительную часть ответственности за происходящее в их городе, в стране и нивелируют факторы общественного активизма, не санкционированного сверху.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (руководитель Е.В. Реутов).

¹ Официальный сайт Института социологии НАН Украины. Доступ: <http://i-soc.com.ua/institute/news.php> (проверено 01.06.2014).

Литература

Петухов В.В. 2013. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики. – *Полис*, № 5. С. 87–99.

Тарасенко В., Сакада М. 2013. Про стан громадянськості українського суспільства. – *Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг* (за ред. д.ек.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги). К.: Інститут соціології НАН України. Р. 67–88.

Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг (за ред. д.ек.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги). 2013. К.: Інститут соціології НАН України, 566 р.